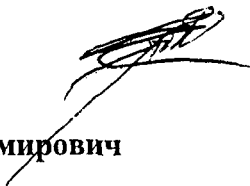


На правах рукописи



СЕМЕНОВ Андрей Владимирович

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕГИОНА**

**Специальность 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**



Пермь – 2010

Диссертация выполнена на кафедре политологии Института истории и политических наук Тюменского государственного университета.

Научный руководитель: доктор философских наук
БОГОМЯКОВ Владимир Геннадьевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук
МАЛИНОВА Ольга Юрьевна
кандидат политических наук
БЕЛОНОГОВ Юрий Геннадьевич

Ведущая организация: Институт философии и права
УрО РАН

Защита состоится 18 июня 2010 года в 17.00 на заседании Диссертационного совета К 212.189.04 по политическим наукам при Пермском государственном университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Пермский государственный университет, корпус 8, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского государственного университета.

Автореферат разослан « 17 » мая 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат политических наук,
доцент



Н. В. Борисова

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В политической науке последних двух десятилетий произошел отказ от универсалистской перспективы, согласно которой политическое развитие имеет единственно возможную цель - построение либерально-демократического политического порядка по образцу развитых стран Западной Европы и США. Такой отказ в том числе предполагает невозможность полноценных институциональных заимствований, «институциональной пересадки», что ставит перед политической наукой новые проблемы, в первую очередь, связанные с переопределением целей и средств модернизации. Одним из важнейших направлений исследований в данной области стало изучение влияния делиберативных институтов и практик на выбор траектории развития и поддержания стабильности курса модернизации. Современные исследования показывают, что от характеристик «публичной сферы» выбор траектории развития (как политической, так и экономической) зависит напрямую¹.

Особое значение изучение институтов публичной сферы приобретает в России, где отмечается «сжатие» открывшегося в 1990-е пространства публичных дискуссий. В 1989-1993 гг. наблюдается радикальное расширение пространства публичных дискуссий, переход от «официальной общественности» к множественности конкурирующих «публик» и идеологических платформ. С 1993 по 1999 гг. при сохранении идеологического плюрализма происходит активное освоение публичной сферы, в том числе - с помощью технологий «связей с общественностью». Наконец, приход В. Путина знаменует собой трансформацию полицентричной публичной сферы в моноцентричную, «официальную», где альтернативные точки зрения и идеологии вытесняются на периферию². Динамизм такого рода трансформаций заслуживает отдельного внимания к институтам и практикам публичных обсуждений.

Доминирование крупных экономических акторов (корпораций) и государства в публичной сфере создает серьезные угрозы не только для гражданского общества, для которого публичные дискуссии - необходимый элемент, но и для перспектив модернизации российской политики как таковой. Классическая западная политическая теория предполагает, что именно гражданское общество создает «демократическую дамбу», но присущее отечественной традиции отождествление последнего исключи-

¹ Evans P. Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and the Potentials of Deliberation / P. Evans // Studies in Comparative International development. - 2004. - Vol. 38. - №4. - p. 30-52.

² См. подробнее Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной «сферы» в постсоветской России / О.Ю. Малинова // Политические исследования. - 2007. - №1. - С. 6-21.

тельно с активностью «третьего сектора» не позволяет оценить качество участия граждан и их организаций в политических процессах, в то время как концепция «публичной сферы» предлагает определенные индикаторы для выявления тенденций участия.

Повышение значимости регионального уровня политических процессов в совокупности с дефицитом исследований этих процессов, обуславливает актуальность внимания к анализу регионов, где изучение степени публичности власти и механизмов обратной связи, ее оценка по шкале «закрытость - открытость» представляется одним из наиболее перспективных³. Регион Юга Тюменской области представляется достаточно релевантным случаем в силу близости по ключевым показателям к общероссийскому среднему уровню⁴. Кроме того, особенности отношений с входящими в состав области округами, - регион является сложнопостроенным субъектом федерации, что при равном статусе входящих в его состав округов создает политико-правовые коллизии, характерные для федерации в целом, - позволяют с известной долей условности расценивать исследуемый регион как микромодель для общероссийских процессов.

Степень научной разработанности темы. Тема публичной сферы является одной из ключевых для социальных наук, отдельные ее аспекты разрабатывались в социальной философии, социологии, политической науке, в последнее время эта тема также получила развитие в экономической науке в рамках неонинституционального направления.

Некоторые аспекты теории публичной сферы разрабатывались классиками политической мысли. Так, И. Кант, говоря об эпохе Просвещения, пишет, что это время «выхода человека из состояния несовершенности», основная черта которого - способность человека публично пользоваться собственным разумом⁵. Связь между общественным мнением и государственной публичной политикой посредством закрепления свободы слова в печатной прессе и обеспечения деятельности представительного органа обозначается в «Философии права» Г. Гегеля⁶.

³ Туровский Р. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа / Р. Туровский // Политические исследования. - 2009. - №2. - С. 77-95.

⁴ Так, в 2005 году показатель ВРП к среднему по России составил 1,5, отношение душевых денежных доходов к прожиточному минимуму составило 316% при общероссийском 283%, уровень бедности 17,8% при общероссийском 16,8%, уровень безработицы 5,5% при общероссийском 7,4%, плотность населения 8,1 чел./ кв.км. при общероссийском 8,4 чел./кв.км. Данные Независимого Института Социальной Политики. Социальный атлас российских регионов. [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.socpol.ru/typology/table_types.shtml (дата обращения 12.07.2009).

⁵ Кант И. Ответ а вопрос «Что такое Просвещение?» (1784) / Пер. С нем. И. Кант // Кант И. Сочинения в шести томах. - М.: Мысль, 1966. - Т. 6. - С.30.

⁶ Гегель Г. Философия права. - М.: Издательство «Наука», 1990.

В XX веке проблемами взаимосвязи «публичного» и «политического» занимались Д. Дьюи⁷, Ч.Р. Миллс⁸. Концепция «публичного» разрабатывалась Х. Арендт в контексте анализа политической культуры античности и ее упадка в связи с появлением «социального» в средневековой Европе⁹. Также интересен постструктуралистский подход М. Фуко к генезису «публичного», и расширенный историко-социологический анализ этого феномена Р. Сеннетом¹⁰. Публичная сфера в качестве исторически и культурно специфического явления интересует Н. Элиаса и П. Линклатера¹¹.

Последовательная рефлексия над феноменом публичной сферы начинается с публикации в 1962 году фундаментального труда Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы»¹² и его перевода на английский язык в 1989 году¹³. В рамках традиции, заданной Франкфуртской школой социальных исследований, Ю. Хабермас анализирует фундаментальные изменения, произошедшие в политическом и социальном устройстве европейских политий в эпоху Модерн, и приходит к выводу, что логика развития раннебуржуазного гражданского общества с необходимостью завершается триумфом экономических и бюрократических сил, вместе создающих угрозу демократии и «жизненному миру» человека. Первая критика на данное исследование появляется уже в 1963 году в работе О. Негта и А. Клюге «Публичная сфера и опыт», где Ю. Хабермас критикуется за недостаточное внимание к альтернативным «публичным сферам», равно как и за идеализацию либерально-конституционного политического порядка¹⁴. Более поздние идеи разграничения коммуникативной и стратегической рациональности, коммуникативного действия, этики дискурса и политики консенсуса, разработанные Ю. Хабермасом, вызвали

⁷ Dewey J. *The Public and its Problems* / J. Dewey. - Chicago: Swallow Press, 1954.

⁸ Структурную трансформацию публичной сферы Ч.Р.Миллс называет «одним из главных трендов современных обществ» в *Mills C.W. The Power Elite* / C.W. Mills. - New York: Oxford University Press, 2000 (1956). - p. 301.

⁹ *Arendt H. The Human Condition* / H. Arendt. - Chicago: University of Chicago Press. 2nd edition, 2007 (1958).

¹⁰ *Сеннет Р. Падение публичного человека* / Р. Сеннет: Пер. с англ. - М.: Лорос, 2000.

¹¹ *Элиас Н. О процессе цивилизации*. М.-СПб., 2001. В 2-х тт.; *Linklater P. Public Spheres and Civilizing Processes* / P. Linklater // *Theory, Culture & Society*. - 2007. - Vol. 24. - p. 31-37.

¹² *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der Bürgerlichen Gesellschaft* / J. Habermas. - Frankfurt: Luchterhand, 1962.

¹³ *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere* / J. Habermas. - Cambridge, MA: The MIT-press, 1989.

¹⁴ *Negt O. Kluge A. The Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere* / O. Negt, A. Kluge. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

немало критики со стороны постмодернистов (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Р. Рорти), тем не менее, стали полноправным достоянием политической мысли XX века.

Публикация работы «Структурная трансформация публичной сферы» на английском языке в 1989 году вызвала новую волну дебатов по поводу концепции «публичной сферы». В 1992 году выходит сборник под редакцией К. Калуна, целиком посвященный различным аспектам рефлексии над данной теорией¹⁵. Для нас особый интерес представляют философская критика представителей феминизма Ш. Бенхабиб¹⁶ и Н. Фрейзер¹⁷, а также более развернутая критика отдельных положений нормативной теории П. Уве Хохендалем¹⁸. Весьма важным является историко-социологическая реконструкция феномена публичной сферы в том числе в императорской России XIX века Дж. Эли¹⁹. Существенный вклад в анализ особенностей функционирования масс-медиа как медиаторного института в публичной сфере проведен Н. Гарнхэмом и М. Уорнером²⁰. В этой же книге Ю. Хаббермас отвечает на критические замечания по поводу нормативной теории²¹.

¹⁵ Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. - Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992.

¹⁶ Benhabib S. Models of Public Sphere: Hannah Arendt, the Liberal Tradition, and Jürgen Habermas / S. Benhabib // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. - Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992. - p. 73-98. См. также более позднюю книгу под редакцией самой Ш. Бенхабиб, где критический проект концептуализации публичной сферы расширен: Democracy and Difference. Contesting the Boundaries of Politics / Ed. by S. Benhabib. - Princeton: Princeton University Press, 1996.

¹⁷ Fraser N. Rethinking the Public Sphere: a Contribution to the Critique Actually Existing Democracy / N. Fraser // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. - Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992; Fraser N., Benhabib S. The Embattled Public Sphere: Hannah Arendt, Jürgen Habermas and Beyond / N. Fraser, S. Benhabib // Theoria. - 1997. - Vol. 44. - №90. - p. 1-24.

¹⁸ Hohendal P. The Public Sphere: Models and Boundaries / P. Hohendal // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. - Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992. - p. 99-108.

¹⁹ Eley G. Nations, Public and Political Discourse: Placing Habermas in Nineteens Century / G. Eley // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. - Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992. - p. 289-339.

²⁰ Garnham N. The Media and the Public Sphere / N. Garnham // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. - Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992. - p. 359-376; Garnham N. Habermas and the Public Sphere / N. Garnham // Global Media and Communication. - 2007. - Vol.3. - p. 201-214; Warner M. The Mass Public and the Mass Subject / M. Warner // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. - Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992. - p. 377-401.

²¹ Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere / J. Habermas // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. - Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992. - p.421-461.

Осмысление нормативной теории публичной сферы в различных аспектах и особенно в связи с потенциалом демократизации современных государств на основе делиберативных практик продолжается в работах Н. Кросли и Д. Робертса²², А. МакКи²³, Л. Гуди²⁴, К. Гининса и Р. Тинневель²⁵, П. Джонсон²⁶. Культурное измерение публичной сферы освещается Д. МакГиганом²⁷.

Отдельное направление в рамках исследования публичной сферы - ее структурно-функционалистское прочтение Ш. Эйзенштадтом, В. Шлюхтером и Б. Виттроком²⁸. Интересное дополнение к этому анализу (в особенности - проблемы взаимоотношений религиозной и светской публичных сфер) содержится в работе А. Сальваторе²⁹. Важной идеей данных исследований является плюралистическая теория публичной сферы или теория множественных (культурно-специфических) публичных сфер. Та-

²² After Habermas: New Perspectives on the Public Sphere / Ed. by N. Crossley, J. Roberts - Oxford: Blackwell. 2004; *Roberts J. The Aesthetics of Free Speech: Rethinking the Public Sphere* / J. Roberts. - Houndmills: Palgrave, Macmillan, 2003; *Roberts J. From Populist to Political Dialogue in the Public Sphere* / J. Roberts // *Cultural Studies*. - 2004. - Vol.18. - №6. - p. 884-910,

²³ *McKee A. The Public Sphere: An Introduction* / A. McKee. - Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

²⁴ *Goode L. Jurgen Habermas: Democracy and the Public Sphere* / L. Goode. - London: Pluto, 2005. Л. Гуди выступает за «рефлексивную демократию», которая возможна только на основе развитых делиберативных практик.

²⁵ *Geenens R., Tinnevelt R. Does Truth Matters? Democracy and Public Space* / R. Geenens, R. Tinnevelt. - Berlin: Springer, 2009.

²⁶ *Johnson P. Habermas's Search for the Public Sphere* / P. Johnson // *European Journal of Social Theory*. - 2001. - №4. - p. 215-236; *Johnson P. Habermas. Rescuing Public Sphere* / P. Johnson. - London: Routledge, 2006.

²⁷ *McGuigan J. Culture and Public Sphere* / J. McGuigan. - London: Routledge, 1996.

²⁸ *Public Spheres and Collective Identities* / Ed. by S. Eisenstadt, W. Sluchter, B. Wittrock. - New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2001; *The Public Sphere in Muslim Societies* / Ed. by M. Hoexter, S. Eisenstadt, N. Levtzion. - New York: SUNY-Press, 2002.

²⁹ *Salvatore A. The Public Sphere: Liberal Modernity, Catholicism, Islam* / A. Salvatore. - Houndmills: Palgrave, Macmillan, 2007. Исследование религиозного аспекта публичной коммуникации на данный момент довольно популярно в политической науке и смежных дисциплинах: см. *Religion in the Public Sphere: A Comparative Analysis of German, Israeli, American and International Law* / Ed. by Brugger W., Karayanni M. - Berlin: Springer, 2007. Ю. Хабермас также касается этой темы в рамках разрабатываемой им на данный момент концепции «постсекулярного общества», см. его *Habermas J. Religion and the Public Sphere. The Kyoto lecture* / J. Habermas. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.homepage.mac.com/gedavis/JH/Kyoto_lecture_Nov_2004.pdf (дата обращения 15.11.2008), а также *McIntosh M. Philosophers, Politicians and Archbishops: Religious Reasons in the Public Sphere* / M. McIntosh // *International Journal of Public Theology*. - 208. - Vol. 2. - №4. - p. 465-483.

кая концептуализация позволяет избежать прямого переноса модели публичной сферы из одного историко-культурного контекста в другой.

Будучи изначально слабо проработанной с точки зрения определения роли масс-медиа, нормативная теория публичной сферы в течение 1990-х годов была дополнена серьезным анализом данной составляющей. Этой темой занимались Д. Аллен³⁰, П. Дальгрэн³¹, Р. Бутч³². Для целей данного исследования интересна работа Д. Аллена, который на примере развития масс-медиа в США связывает институциональные факторы (профессионализация прессы и усложнение законодательства, регулирующего данную сферу, а также давление корпоративных норм и их рутинизация) и изменения в особенностях американской публичной сферы.

Все большее распространение получает исследование возможностей сети Интернет, в особенности - блогов и технологий веб 2.0 (web 2.0), в «оживлении» публичной сферы³³. В этом пласте литературы можно встретить анализ делиберативных практик и их влияние на политический процесс³⁴, влияние развития электронных сетей на обсуждение общественно-значимых проблем³⁵, распространение «социальных медиа» с помощью Интернет³⁶. Один из ведущих мировых социологов М. Кастельс в развитии виртуальных социальных сетей и публичной сферы видит потенциал

³⁰ Allen D. *Democracy, Inc.: The Press and Law in the Corporate Rationalization of the Public Sphere* / D. Allen. - Chicago: University of Illinois Press, 2005.

³¹ Dahlgren P., Sparks C. *Communications and Citizenship. Journalism and the Public Sphere* / L. Dahlberg, C. Sparks. - London: Routledge, 1991.

³² *Media and the Public Spheres* / Ed. By Butsch R. - Houndmills: Palgrave, Macmillan, 2007.

³³ См. Lee J. *The Blogosphere and the Public Sphere: Exploring Possibility of the Blogosphere as a Public Sphere* / J. Lee // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Dresden International Congress Centre, Dresden, Germany Online 2006-06-16. Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p92983_index.html (дата обращения 27.08.2008), а также Notaro A. *The Lo(n)g Revolution: the Blogosphere as an alternative Public Sphere* / A. Notaro. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://reconstruction.eserver.org/064/notaro.shtml> (дата обращения 27.08.2008)

³⁴ Dahlberg L. *Extending Public Sphere through Cyberspace: the Case of Minnesota E-Democracy* / L. Dahlberg // *First Monday*. - 2008. - Vol. 13. - №7. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.firstmonday.org/issues/issue6_3/dahlberg/

³⁵ Boeder P. *Habermas' Heritage: The Future of the Public Sphere in the Network Society* / P. Boeder // *First Monday*. - 2005. - Vol.10. - № 9. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://firstmonday.org/issues/issue10_9/boeder/index.html (дата обращения 10.10.2007).

³⁶ Abrash J. *Digital Media And the Public Sphere. Future of Public Media project of the Center for Social Media in the School of Communication at American University* / J. Abrash, - January 12-13, 2006. Report. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.centerforsocialmedia.org/future/docs/blogs_convening2.pdf (дата обращения 10.10.2007).

развития транснациональных социальных движений и установления режима «мирового управления»³⁷. Не остаются в стороне и отечественные исследователи: некоторые испытывают скепсис по поводу возрождения публичной сферы с помощью блогосферы³⁸, другие же, напротив, доказывают, что это едва ли не последнее место реального общения³⁹.

Большой интерес для целей данного исследования представляет пространственный анализ публичной сферы современных городов Д. Флемингом⁴⁰ и Э. Сойа⁴¹, которые показывают значение гражданских ассоциаций, союзов, социальных сетей, прочих «публичных мест» (например, публичных библиотек) в развитии публичной сферы.

В существующей англоязычной литературе по проблеме публичной сферы существует и немало критики, во-первых, с точки зрения валидности концепта как исторического феномена: в его рамках исследуются прецеденты становления публичной сферы в раннемодерную эпоху, осуществляется критика исторических допущений нормативной теории Ю. Хабермаса⁴²; во-вторых, это исследования современных обществ на предмет соответствия нормативной теории, социологическая критика

³⁷ Castells M. The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance / M. Castells // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. - 2008. - Vol. 616. - pp. 78 - 93.

³⁸ Трахтенберг А. Д. «Правда, о которой не говорят»: можно ли считать РУНЕТ публичной сферой? / А. Д. Трахтенберг // Социум и власть. - 2006. - № 4. - С. 12-15; Трахтенберг А. Д. Рунет как «публичная сфера»: хабермасианский идеал и реальность / А. Д. Трахтенберг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://politex.info/content/view/182/40/> (дата обращения 05.09.2008).

³⁹ Шмидт Э., Тойбинер К. Российский Интернет как (альтернативная) публичная сфера? / Э. Шмидт, К. Тойбинер. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/ru/control_shift/Schmidt_Teubener.pdf (дата обращения 24.05.2008).

⁴⁰ Fleming D. City of Rethoric. Revitalizing the Public Sphere in Metropolitan America / D. Fleming. - New York: Suny-Press, 2008.

⁴¹ Со́йа Э. Как писать о городе с точки зрения пространства / Э. Со́йа: Пер. с англ. // Логос. - 2008. - №3. - С. 130-140.

⁴² Примеры таких исследований: Gestrich A. The Public Sphere and the Habermas Debate / A. Gestrich // German History. - 2006. - Vol. 24. - No. 3. - p.413-430; Roberts J.R. Expressive Free Speech, the State and the Public Sphere: A Bakhtinian-Deleuzian Analysis of 'Public Address' at Hyde Park / J.R. Roberts // Social Movement Studies. - 2008. - Vol.7, - №2, - p. 101-119; Volkov V. The Forms of Public Life: the Public Sphere and the Concept of Society in Imperial Russia / V. Volkov. - Glasgow: University of Glasgow, 1995; Myhre J. Intellectuals in the Public Sphere in Britain and Norway after World War II / J. Myhre. - Oslo: Unipub, 2008.

нормативной теории⁴³, особое внимание этой теме уделяют европейские ученые в рамках изучения интеграционных процессов в Европе и Европейском Союзе.

Российская традиция осмысления феномена публичной сферы имеет сравнительно небольшую историю. В российской политической науке рецепция теории Ю. Хабермаса произошла одновременно с большим пластом критической литературы, что создает определенные сложности для определения данного понятия. Особую ценность представляют работы В. Волкова, в которых содержится историко-социологический анализ разделения «приватное/ публичное», где автор указывает на схожесть траекторий развития публичной сферы в Европе и России, анализирует взаимоотношения категорий «общественность», «публичная сфера» и «гражданское общество» в политической практике и теории⁴⁴. Подобная же попытка исторической реконструкции развития публичной сферы предпринята В. Каплун⁴⁵. Нормативную теорию «публичной сферы» использовали в своем исследовании политической культуры и практик России периода 1905-1907 Н. Селунская и Р. Тоштендаль⁴⁶. Интересен также сравнительно-исторический анализ публичной сферы при социализме, проведенный А. Глинчиковой в свете западного опыта и традиций⁴⁷.

Философско-исторический подход к исследованию зарождения публичной сферы сквозь призму шотландского Просвещения предпринял

⁴³ Roberts J. From Populist to Political Dialogue in the Public Sphere / J. Roberts // *Cultural Studies*. - 2004. - Vol.18. - №6. - p. 884-910; Vandenberghe F. The Cultural Transformation of The Public Sphere: Sociological Inquiry into a Category of American Society / F Vandenberghe // *Constellations*. - 2008. - Vol.15. - №3. - p. 422-434; Murray P. Exporting a New Public Space? Reflections on the EU Integration Experience as a Paradigm / P. Murray // *European Political Science*. - 2008. - Vol. 7. - №3. - p. 264-272; Schlesinger P. The European Union and the Public Sphere: a Communicative Space in the Making? / P. Schlesinger. - London : Routledge, 2007.

⁴⁴ Волков В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи. Дис. канд. социол. наук / В. Волков. - М., 1995; Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества / В. Волков // *Pro et Contra*. - 1997. - №4. - С. 77-91.

⁴⁵ Каплун В.Л. Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России / В.Л. Каплун // *Публичное пространство, гражданское общество и власть* / Редкол.: А.Ю.Сунуров (отв. ред) и др. - М.: Российская Ассоциация Политической Науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. - С. 333-345.

⁴⁶ Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века / Н. Селунская, Р. Тоштендаль. - М.: «Российская политическая энциклопедия», 2005. (Гл. 3. Развитие политической сферы).

⁴⁷ Глинчикова А. «Черные дыры» социализма. Публичная сфера в России и а Западе: общее и особенное / А. Глинчикова // *Открытая политика*. - 2000. - №3/4. - С. 91-96.

М. Микешин⁴⁸. Концептуальный анализ разграничения публичное/ приватное производится Ю.В. Шкудуновой⁴⁹ и М. Барсуковой⁵⁰. Типологизация западных политологических концепций «публичной сферы» и социологический анализ этого феномена в России проведены Г. Заболотной⁵¹. Критику нормативной концепции на основе идеи гетерархического характера современного общества осуществил К. Сулимов⁵². Связь этики и публичной сферы показывает А. Оболонский⁵³.

Особенно ценной представляются анализ трансформации публичной сферы постсоветской России с точки зрения презентации в ней идеологий в работах О. Малиновой⁵⁴ и анализ связи между публичной политикой и публичной сферой Ю. Красина, А. Галкина и Ю. Розановой⁵⁵. Особенно

⁴⁸ Микешин М.И. Социальная философия шотландского Просвещения / М.И. Микешин. - СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005.

⁴⁹ Шкудунова Ю.В. Человек в сфере privately-публичных отношений / Ю.В. Шкудунова // Вестник Омского государственного университета. - 2004. - Вып.4. - С. 66-69; Шкудунова Ю.В. Проблемы развития публичной и приватной сферы в политической жизни общества / Ю.В. Шкудунова // Вестник Омского государственного университета. - 2006. - №1. - С. 55-58.

⁵⁰ Барсукова С.Ю. Приватное-публичное: диалектика диспозиции / С. Барсукова // Политические исследования. - 1999. - №1. - С. 137-147.

⁵¹ Заболотная Г.М. Проблема публичной сферы в современной политической теории / Г.М. Заболотная // Вестник Тюменского государственного университета. - 2004. - №4. - С. 121-127.

⁵² Сулимов К.А. Публичная сфера как условие политических сообществ: между иерархией и гетерархией / К.А. Сулимов // Тезисы докладов. Международная научная конференция «Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы», Москва, 22-23 ноября 2007 г. - М.: Российская ассоциация политической науки, 2007. - С. 289-292.

⁵³ Оболонский А. В. Этика публичной сферы / А. В. Оболонский // Общественные науки и современность. - 2008. - № 2. - С. 52-67.

⁵⁴ Малинова О.Ю. Символическое пространство современной политики. Основные тенденции трансформации публичной сферы / О. Ю. Малинова // Публичная политика в современной России: субъекты и институты : сб. ст. - М.: ГУ ВШЭ, 2006. - С. 60-71; Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной «сферы» в постсоветской России / О.Ю. Малинова // Политические исследования. - 2007. - №1. - С. 6-21.

⁵⁵ Галкин А.А. О модели публичной сферы / А. А. Галкин // Россия в условиях трансформаций. - М.: Центр развития политического централизма. - 2002. - Вып.2. - С. 96-128; Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении / Ю.А. Красин // Публичная политика в России: Сб. статей / Под общей ред. Ю.А. Красина. - М.: Альпина бизнес Букс. 2005. - С. 15-32; Красин Ю.А. Российские проблемы публичного / Ю.А. Красин // Публичная политика. Приложения. Университет Калагри - Горбачев Фонд, 200. С. 11 - 27; Красин Ю.А., Розанова Ю.М. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (Круглый стол / Ю.А. Красин, Ю.М. Розанова // Социологические исследования. - 2000. - №10. - С. 84 - 91; Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo Vadis? / А.А. Галкин, Ю.А. Красин. - М.: Ин-т социоло-

сти российский публичной сферы в контексте распространения политических технологий «связей с общественностью» рассматриваются в работе Д. Цимошка и Д. Мишиной⁵⁶.

Для учета особенностей региональной политики как предмета исследования важными представляются работы следующих авторов: в области общеметодологических основ анализа регионального политического пространства С. Барзилов и А. Чернышев⁵⁷, В. Гельман и С. Рыженков⁵⁸, В. Мохов⁵⁹, П. Панов и Л. Фадеева⁶⁰, В. Нечаев⁶¹, Р. Туровский⁶²; в области анализа развития региональных партийных организаций и партийных систем М. Афанасьев⁶³ и Г. Голосов⁶⁴; в области анализа особенностей региональных легислатур Н. Борисова и Л. Фадеева⁶⁵, А. Кынев⁶⁶.

гии РАН. 2003; Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты / Ю.Красин. - М.: Институт социологии РАН, 2009. (Раздел 5. Публичная сфера и публичная политика).

⁵⁶ Цимошка Д. Общество или целевая аудитория: публичная сфера и политические технологии в истории России. Малые банные чтения - 2007 / Д. Цимошка, Д. Мишина // Новое литературное обозрение. - 2008. - № 1. - С. 425-432.

⁵⁷ Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Регион как политическое пространство / С.И. Барзилов, А.Г.Чернышев // Свободная мысль. - 1997. - №2. - С 3-13.

⁵⁸ Гельман В.Я. Успехи и провалы переходов к демократии: политические режимы российских регионов в сравнительной перспективе / В.Я. Гельман // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. Межрегиональный семинар. - М.: МОНФ, 2000. - С. 46-65; Гельман В.Я. И др. Трансформаций региональных политических режимов / В.Я. Гельман. С.И. Рыженков, И.В. Егоров // Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты / Отв. ред. М.Н. Афанасьев. - М.: МОНФ, 1999. - С. 39-128; Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. - М.: «Весь мир», 2000.

⁵⁹ Мохов В.П. Топология политического пространства / В.П. Мохов. - Пермь: Перм. гос. тех. ун-т, 2002.

⁶⁰ Панов П.В., Фадеева Л.А. Региональная политика: институционализация, трансформация, традиции / П.В. Панов, Л.А. Фадеева // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. М., 2006. - С.321-348.

⁶¹ Нечаев В.Д. Региональные политические системы в современной России / В.Д. Нечаев // Pro et contra. - 2000. - Т.5. - №1. - С.80-96.

⁶² Туровский Р.Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований / Р. Туровский // Политические исследования. - 2001. - №1. - С. 138-156; Туровский Р. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа / Р. Туровский // Политические исследования. - 2009. - №2. - С. 77-95.

⁶³ Афанасьев М.Н. Региональное измерение российской политики / М.Н. Афанасьев // Политические исследования. - 1998. - №2. - С. 88-92; Афанасьев М.Н. Политические партии в российских регионах / М.Н. Афанасьев // Pro et Contra. - 2000. - Т. 5. - №4. - С. 164-183.

⁶⁴ Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика 1993-2003 / Г.В. Голосов. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

⁶⁵ Борисова Н.В., Фадеева Л.А. Региональная легислатура как институт согласования интересов / Н.В.Борисова, Л.А. Фадеева // Социологические исследования. - 2002. - №4. - С. 71-75.

Таким образом, в литературе по данной теме ощущается явный дефицит исследований, что обуславливает актуальность научного поиска и разработки релевантных методологических моделей, наращивания объема комплексных эмпирических исследований в данной области. Междисциплинарный подход к изучению «случаев» публичной сферы позволит выделить необходимые элементы для проведения масштабных сравнительных исследований феномена публичной сферы в современности.

Научная новизна исследования. Впервые в отечественной политической науке проведен анализ процесса институционализации публичной сферы региональной политики, концептуально обоснована связь между конфигурацией политического пространства и особенностями институционального порядка публичной сферы. Также выявлены ключевые группы факторов и индикаторы процесса институционализации публичной сферы, дана оценка функционированию традиционных институтов публичного обсуждения (политических партий, средств массовой информации, общественных организаций), раскрыты институциональные механизмы устойчивости и воспроизводства институционального порядка публичной сферы, обобщены практики взаимодействия политических акторов по поводу инициации и участия в обсуждении общественно-значимых проблем.

Объектом исследования является публичная сфера региона, **предметом** - институты и институциональные характеристики публичной сферы, локализованные в политическом пространстве.

Целью исследования является определение характера и основных групп факторов процесса институционализации публичной сферы в политическом пространстве региона.

Задачи исследования:

1. Определить место концепта «публичной сферы» и нормативной его версии в современной политической науке.
2. Разработать схему анализа институтов и процесса институционализации публичной сферы в их связи с конфигурацией политического пространства.
3. Описать и проанализировать конфигурацию политического пространства региона (структуру политического конфликта).
4. Определить основные группы факторов в конфигурации политического пространства, влияющие на процесс институционализации публичной сферы.

⁶⁶ Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы / А. Кынев. - М.: Центр «Панорама», 2009.

5. Провести анализ институтов публичной сферы с точки зрения ключевых институциональных характеристик и развитости публичной сферы в целом.

6. Выявить соотношение различных институциональных порядков публичной сферы в регионе.

Исследовательская гипотеза диссертации, состоит в том, что вскоре политический режим России в целом и региона в частности является «переходным» или «гибридным», институты публичной сферы и взаимодействие политических акторов по поводу инициации и участия в обсуждении общественно-значимых проблем приобретают отличные от нормативного «идеального типа» характеристики, формируя институциональный порядок, сочетающий в себе различные «режимы обсуждения». Доминирующие политические акторы в политическом пространстве будут реализовывать стратегии контроля институтов публичной сферы, тогда как возможность оспаривания их присутствия периферийными акторами зависит от конфигурации политического пространства.

Методологические основы исследования. В исследовании в качестве основного применяется междисциплинарный интегративный подход, соединяющий новый институционализм с социоанализом П. Бурдье (генетическим структурализмом), что позволяет связать микро- и мезоуровень анализа (уровень индивидуальных и коллективных стратегий акторов с уровнем конфигурации политического пространства и институционального порядка). В рамках нового институционализма работы следующих ученых представляются значимыми: П. ДиМаджио и У. Пауэлл, П. Инграм и К. Клэй, Дж. Марч и Дж. Олсен, С. Патрушев, П. Панов, Г. Петерс, П. Холя и Р. Тейлор, П. Эванс, А. Хлопин. Генетический структурализм как методология анализа политического пространства разрабатывался в работах П. Бурдье, М. Гронас, Г. Заболотной, Ю. Качанова, Дж. Мартина, В. Мохова, Н. Шматко.

Генетический структурализм позволяет аналитически описать политическое пространство региона, которое является средой для институционализации публичной сферы. Несмотря на то, что публичная сфера теоретически может существовать и за рамками политической борьбы, на практике любое значимое обсуждение политических и социальных проблем приводит либо к поддержке статус-кво, либо перераспределению наличного в социальном пространстве капитала. Распределение капитала, в свою очередь, напрямую сказывается на институциональных особенностях публичной сферы: здесь имеют значение такие факторы, как количество акторов и распределение между ними различных капиталов, позиции агентов и институций относительно друг друга, роль символического ка-

питала (в частности - капитала публичности) в стратегиях агентов и институций. Для анализа особенностей процесса институционализации публичной сферы нами также была использована социологическая версия нового институционализма, позволяющего зафиксировать характер и степень устойчивости взаимоотношения акторов в разных институциях и сегментах публичной сферы.

Терминологический аппарат исследования.

Публичная сфера - совокупность институтов и практик, значение которых заключается в обеспечении обсуждения общественно-значимых проблем, которые создаются и воспроизводятся, локализуются и распространяются в политическом пространстве.

Политическое пространство - совокупность взаимоотношений агентов и их институций по поводу предложения и спроса на инструменты и продукты политической борьбы.

Регион - обособленная территориально-административная единица в рамках системы вертикального разграничения властей.

Институт - воспроизводимые в практике индивидов и организаций значения, придаваемые отдельным социальным действиям и их наборам, которые направляют (создают возможность и ограничивают) действия акторов, оставаясь до определенной степени устойчивыми к разнообразию и смене индивидов, их интересов и предпочтений.

Институционализация - процесс возникновения, распространения и обретения относительной устойчивости институтов, а также специфических институциональных характеристик, вместе формирующих «порядок».

Эмпирический анализ и методы исследования. Для сбора и обработки эмпирических данных применялись как количественные, так и качественные методики. Во-первых, это метод полуструктурированного интервьюирования в ходе четырехлетнего (2005-2008 гг.) мониторинга общественно-политической ситуации в Тюменской области, проведенный автором в составе Лаборатории социально-исторических исследований ИПСО СО РАН под руководством И.В. Боброва и В.П. Ключевой (39 направленных интервью с функционерами и активистами политических партий, общественных организаций и движений), а также в ходе экспертного опроса и опроса по методике ЯН-индекса оценки публичной сферы (42 направленных интервью с представителями политических партий, масс-медиа, общественных организаций и движений, органов государственной власти), проведенный автором в апреле-июне 2009 года. Во-вторых, использовался метод включенного наблюдения (присутствие, участие и организация публичных мероприятия и дискуссионных площадок, работа в качестве политического обозревателя в ряде областных из-

даний) с фиксацией дневников наблюдения (всего 34). В-третьих, проводился контент-анализ тюменских СМИ (электронных, печатных и Интернет-СМИ), анализ документов (регламентов, правил аккредитации), ивент-анализ. Также использовались вторичный анализ социологических данных по изучаемой проблеме тюменских Академического центра маркетинговых исследований, Центра изучения гражданских инициатив, кафедр политологии и социологии Тюменского государственного университета. В исследование включены данные Тюменского областного управления государственной статистики, управлений Министерства юстиции РФ и Федеральной регистрационной службы по Тюменской области, по Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам, Областной избирательной комиссии Тюменской области. Для обработки статистических данных использовался пакет SPSS и инструменты MS Excel.

Положения, выносимые на защиту:

1. При многовекторности и принципиальной незавершенности процесса институционализации публичной сферы, его изучение в рамках региональной политики показывает возможность выявления значимых тенденций, которые определяются конфигурацией политического пространства (структурой политического конфликта). Основной вектор институционализации публичной сферы в исследуемом регионе заключается в распространении официальных институтов и площадок обсуждения общественно-значимых проблем с одновременным вытеснением альтернативных организационных форм. Политико-административная элита, организационно оформленная на уровне высших должностных лиц региона, последовательно расширяет инструменты контроля публичного обсуждения общественно-политических проблем и управления общественным мнением. Тем не менее, сохраняются определенные возможности для политических партий, общественных организаций и средств массовой информации по инициации и поддержанию общественных дискуссий.

2. Существует взаимосвязь между структурой политического конфликта и процессом институционализации публичной сферы. Развитие политического конфликта в регионе характеризуется тенденцией к монополизации политического пространства партией «Единая Россия», вытеснением остальных участников из процесса борьбы за политическую власть (административные и статусные позиции, доступ к каналам презентации мнения), их фактической маргинализацией. «Единая Россия», выполняя функции контроля со стороны политико-административной элиты и исполнительной власти над законодательной, не заинтересована в изменении сложившегося status quo, тогда как другие акторы политического пространства теряют ресурсы и стимулы для изменения такового. Таким образом, структура политического конфликта предполагает свер-

тывание демократических элементов публичной сферы в связи с сокращением количества участников и нежеланием оставшихся оспаривать властные позиции монопольной группы, которая, в свою очередь, стимулирует создание и развитие «репрезентативных» и «официально-одобряющих» элементов публичной сферы.

3. Помимо монопольной структуры конфликта на изменении в институциональном порядке публичной сферы сказывается невозможность коалиционных стратегий между периферийными акторами, в первую очередь, по причине повсеместных внутриорганизационных конфликтов, во вторую - из-за отсутствия доверия и медиаторных межпартийных площадок, где доверие могло бы генерироваться. Также сказывается финансово-административная зависимость региональных партийных организаций от федерального руководства, которая приводит к повышению издержек публичной активности акторов, необходимости координирования деятельности с федеральными управляющими органами.

4. В рамках институционального порядка публичной сферы совмещаются различные идеалтипические модели. Основные институты, организации и агенты зависят от государства и являются элементами либо «репрезентативного» (официальные СМИ, общественные советы, некоторые партийные площадки), либо «одобряющего» порядков (Гражданский Форум, общественные организации). Все они характеризуются ограничениями по показателям открытости доступа к ним, равенства участия, автономии от государства. Рациональность дискуссий в рамках обозначенных порядков оценивается как «формальная». В то же время необходимо отметить наличие элементов «демократического» порядка, где преодолеваются ограничения на доступ и равенство участия, которые в достаточной мере автономны от государства и его агентов. Однако организации и площадки, встроенные в такой порядок, находятся на периферии общественно-политической жизни региона.

5. Различные институты публичной сферы по-разному включают институциональные характеристики нормативной модели публичной сферы: масс-медиа воспроизводят в основном репрезентативные элементы (повестка дня в них формируется органами государственной власти, а не обществом, действуют цензура и самоцензура, дискурс отражает в основном официальную точку зрения), общественные организации - элементы «официально-одобряющего» режима (подконтрольность и лояльность государству, однозначная поддержка официальных позиций), некоторые партийные и медиаторные площадки - демократического. В то же время не существует жесткой связанности на институциональном уровне между различными характеристиками: наличие одних (например, равенства), не гарантирует наличия других (открытости, рациональности или автономии).

6. Институциональный анализ показывает, что в каждом фрагменте порядка публичной сферы существуют свои специфические институты и организационные формы, благоприятствующие проявлению одних характеристик и подавлению других. Так, институты контроля над законодательными органами вместе с институтом согласования кандидатур претендентов на выборах, выводя важные политические процессы из публичной сферы, способствуют снижению рациональности и открытости дискуссий. Институты цензуры и государственного надзора над деятельностью СМИ фактически лишают их автономии, а отсутствие корпоративных стандартов снижают уровень профессионализма работников, а значит - уровень рациональности. Финансовая зависимость общественных организаций от государства, отсутствие широкой социальной поддержки также сказывается на автономии последних, в то же время, наличие экспертов позволяет поддерживать высокий уровень рациональности.

Теоретическая значимость диссертационной работы.

1. Проанализировано понятие «публичная сфера» в контексте современной политической теории и отечественной исследовательской традиции. 2. Уточнены основные элементы термина «публичная сфера», введено понятие «институциональный порядок публичной сферы». 3. Разработаны теоретико-методологические основы анализа феномена публичной сферы. 4. Выделены институциональные характеристики публичной сферы как институционального порядка, предложена схема их анализа. 5. Выдвинута и обоснована схема анализа процесса институционализации публичной сферы в политическом пространстве региона.

Практическая значимость диссертационной работы.

1. Разработан инструментарий анализа институционального порядка и институтов публичной сферы. 2. На эмпирическом уровне прослежены взаимосвязи между конфигурацией политического пространства и институциональным порядком публичной сферы. 3. На эмпирическом уровне выяснены особенности процесса институционализации публичной сферы в условиях отдельно взятого региона. 4. Разработаны индикаторы капитализации политических акторов. 5. Экспериментально подтверждена гипотеза о взаимосвязи комплексности институционального порядка публичной сферы и доминирования той или иной модели обсуждения общественно-значимых проблем со структурой политического конфликта. 6. Материалы исследования могут стать основой для рекомендаций и методических указаний по созданию и развитию институтов публичной сферы: дискуссионных площадок, организаций-медиаторов, прочих механизмов публичного обсуждения. 7. Выводы и материалы представляются релевантными для включения их в учебные курсы «Теория политики», «Политическая социология», «Технологии связей с общественностью»,

«Политический анализ и прогнозирование», «Методология политических исследований».

Апробация результатов исследования Основные результаты диссертационного исследования отражены в статьях, тезисах и материалах конференций, отдельные моменты отражены в методических пособиях учебных курсов «Теория политики» и «Анализ публичной политики». Ход и результаты исследования обсуждались в Тюменском государственном университете, Лаборатории социально-исторических исследований ИПОС СО РАН, региональных, всероссийских и международных конференциях. Отдельные положения диссертационной работы защищались на Международной научно-практической конференции International Achievement Summit 2008 (Кона, США, 1-6 июля 2008 г.), Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования Сибирской Губернии «Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики» (Тюмень, 20-21 ноября 2008 г.), Международной научной конференции «Новый политический цикл: повестка дня для России» (Москва, 2-6 декабря 2008 г.), Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Политические институты и политические процессы в современном мире» (Омск, 23 апреля 2009 г.), Второй Всероссийской Ассамблее молодых политологов (Пермь, 27-28 апреля 2009 г.), Пятом Всероссийском Конгрессе политологов «Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, авторы» (Москва, 20-22 ноября 2009 г.), Международной конференции «Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития» (Екатеринбург, 26-27 ноября 2009 г.). Также отдельные тезисы диссертации защищались на Международной летней школе «Rethinking the Project of Modernity» (С.-Петербург, 5-19 июля 2008 г.), Международной летней школе «The Challenges of Global Capitalism in XXI Century» (С.-Петербург, 06-20 июля 2009 г.), Международной летней школе «Changing Europe Summer School» (Киев, 26 июля - 02 августа 2009 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, состоящих из трех и двух параграфов соответственно, заключения, списка использованной литературы и источников, приложений. Общий объем диссертации - 253 страницы, библиографический список составляет 385 источников.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении дается общая характеристика работы, обосновывается её актуальность и новизна. Формулируются основные исследовательские вопросы, цель, задачи, предмет и объект исследования.

В первой главе «Теоретико-методологические основы изучения публичной сферы» дано обоснование выбора концептуальных подходов,

используемых при изучении процесса институционализации публичной сферы в политическом пространстве.

Прежде всего, в параграфе *«Теория публичной сферы в перспективе концепций «гражданского общества»* определено место понятия «публичная сфера» в современной политической теории и российской политологической традиции. Идея «публичного» и некоторые элементы теории публичной сферы содержатся в большинстве европейских моделей взаимоотношения гражданина и государства посредством структур гражданского общества. Рассмотренные в данной работе 5 моделей взаимодействия в разной степени концептуализируют категорию «публичного», но по большей части используют идею публичного обсуждения общественно-значимых проблем как вспомогательную. Прежде всего, социальная теория XIX - начала XX века обращает внимание на возможности рынков и государств для регулирования социальной жизни.

Вновь идея «публичного» и «публичной сферы» появляется в повестке дня политической науки в трудах Д. Дьюи, Ч.Р. Миллса и Ю. Хабермаса. Сам термин и последовательная разработка теории публичной сферы, получившей статус «нормативной», появляются в 1962 году в работе немецкого исследователя Ю. Хабермаса *«Структурная трансформация публичной сферы»*⁶⁷. В своей работе Ю. Хабермас связывает феномен «публичной сферы» с появлением буржуазии в Европе XVII-XVIII вв. с ее классовыми представлениями о неотчуждаемых правах и свободах, а также моральной и экономической автономии индивида и семьи. Анализируя опыт английских кофе-хаусов, французских салонов и германских «литературных обществ», Ю. Хабермас приходит к выводу, что эти организационные формы взаимодействия стали основой новой социальной силы - «общественного мнения», что вместе с распространением технологий печати, послужило средством «связывания» решений государственных органов с потребностями «публики» или «общественности». Структурная трансформация публичной сферы происходит в середине XIX века, когда буржуазия становится «правлящим классом», государство все больше расширяет свои социальные функции, а социальные группы все больше ориентируются не на взаимную координацию действий, но на государственное и корпоративное регулирование.

⁶⁷ *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der Bürgerlichen Gesellschaft / J. Habermas. - Frankfurt: Luchterhand, 1962.* На английский язык переведена в 1989 году. В диссертационной работе использовалось издание 1991 года: *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere / J. Habermas. - Cambridge, MA: The MIT-press. 1991.*

Несмотря на обширную критику нормативной теории, в ней содержатся важные идеи для анализа существующих публичных сфер. В первую очередь, это идея специфических характеристик обсуждений в публичной сфере: открытости, равенства, рациональности и автономии, которые могут стать основой для институционального анализа. Кроме того, нормативная теории обращает (хотя и не в достаточной степени) внимание на структуру политического конфликта как определяющий фактор в институционализации публичной сферы. Таким образом, для анализа публичной сферы как совокупности институтов и практик, необходимо провести анализ структуры политического конфликта и институциональный анализ.

Методологические подходы исследования излагаются во втором и третьем параграфах первой главы: «*Генетический структурализм как методология изучения публичной сферы*» и «*Институциональный подход к изучению публичной сферы*». Генетический структурализм опирается на работы П. Бурдьё и его теорию политического поля (пространства). Данная методология позволяет раскрыть структуру политического конфликта, который определяет процесс институционализации публичной сферы. П. Бурдьё указывает на то, что «производство мнений» и те организационные формы, которые приобретает обмен мнениями, зависит от позиции агента/институции в пространства других агентов/институций. Позиция, в свою очередь, зависит от структуры и объема различных капиталов (экономического, культурного, символического, политического и т.д.). Политическое пространство представляет собой совокупность взаимодействий индивидов, их групп и институций, основной «ставкой» которых выступает производство и распространение политических представлений и мнений, видения мира политики. Это пространство относительно автономно и обладает своей логикой и конфигурацией по сравнению с полями экономического или культурного производства, равно как и с социальным пространством в целом.

Таким образом, идеи и публичные политические позиции оказываются связаны со специфическими интересами индивидов и их групп по сохранению/изменению своих позиций в политическом пространстве или других полях. Основной тип организаций современности, которые претендуют на политическую власть и связанный с ней капитал в открытом, публичном режиме, - это политические партии. Именно действия последних создают «публичное / видимое» политическое пространство альтернативных моделей видения и членения политического пространства.

Анализ структуры политического конфликта, включает в себя несколько шагов. Во-первых, это обоснование аналитического выделения политического пространства отдельного региона как объекта анализа. Во-вторых, анализ специфических ценностей, доступ к которым является ставкой и целью борьбы политических акторов. В-третьих, требуется фиксация пози-

ций основных агентов, их групп и институций, формирующих политическое пространство; описание этих позиций с точки зрения структуры и объема капиталов, анализ стратегий по достижению целей/приближению к ценностям поля; анализ траектории их движения в политическом пространстве для построения динамической модели последнего. Изучение политического пространства в динамике важно еще и тем, что процесс институционализации также подразумевает временную протяженность.

Цель *третьего параграфа «Институциональный подход к изучению публичной сферы»* - выяснить правила, по которым и с помощью которых реализуется обмен политическими мнениями, а также выяснить степень включенности в эти правила основных институциональных характеристик «демократической» публичной сферы (рациональности, открытости, равенства, автономии). Исследование институтов и институциональных характеристик позволяет выявить специфику процесса институционализации публичной сферы.

С помощью социологической версии институционализма формулируется понятие института, под которым подразумеваются воспроизводимые в практике индивидов и организаций значения, придаваемые отдельным социальным действиям и их наборам, которые направляют (создают возможность и ограничивают) действия акторов, оставаясь до определенной степени устойчивыми к разнообразию и смене индивидов, их интересов и предпочтений. Публичная сфера в рамках такого понимания концептуализируется как «институциональный порядок», в котором соприкасаются различные институты.

Далее в параграфе выдвигается три возможных идеалтипических версии институционального порядка публичной сферы: режим «всеобщей видимости»/ «репрезентативная публичная сфера», где публичная коммуникация выступает в качестве инструмента односторонней коммуникации официальной власти с населением, а также инстанцией контроля; режим «одобряющей/ официальной общественности», где существующие медийные и дискуссионные площадки в основном инициируются властью для легитимации уже принятых решений, а обсуждение носит формальный характер; наконец, режим «демократической публичной сферы», характеристики которой близки к нормативной модели.

Институционализация порядка определяется в параграфе как сложный разнонаправленный процесс, не обязательно финалистичный и открытый к изменениям и включению новых институтов и организационных форм, что позволяет предположить наличие элементов разного рода «идеальных порядков» в реальности того или иного порядка публичной сферы. Институциональный анализ публичной сферы включает изучение организаций и организационных форм, специфических правил и рутинизированных дейст-

вий при осуществлении коммуникации по общественно-значимым проблемам, а также изучение декларируемых акторами возможностей и ограничений их действий по реализации своих целей в публичной сфере. Таким образом, «силовой аспект» институционализации публичной сферы в политическом пространстве дополняется «нормативным» как в смысле нормативной теории Ю. Хабермаса, так и смысле существования норм и правил обмена мнениями, являющихся частью институционального порядка публичной сферы.

Вторая глава «Институциональный порядок публичной сферы региональной политики: акторы, институты, практики» посвящена анализу особенностей политического пространства отдельного региона (Тюменской области) и процесса институционализации публичной сферы в нем. В ней прослеживается взаимосвязь между структурой политического конфликта в регионе и развитием институтов публичной сферы.

В первом параграфе *«Структура политического конфликта в политическом пространстве региона»* исследуются особенности политического пространства Тюменской области. Во-первых, обосновывается его относительная автономия, а значит - доступность для анализа. Во-вторых, на основании формального распределения полномочий между исполнительными и законодательными органами государственной власти делается вывод о соотношении «институциональной силы» региональной легислатуры и губернатора, что является определяющим для анализа формальной структуры политического конфликта. Первая характеризуется большей институциональной силой и широкой автономией по сравнению с институтом губернатора. Такая структура должна стимулировать претензии политических акторов (в первую очередь - политических партий) на мандаты областных депутатов, но существуют механизмы, блокирующие жесткую политическую борьбу в регионе: среди прочих, это высокая степень консолидации политико-административной элиты, а также существование партии «Единая Россия» как инструмента контроля исполнительной власти над легислатурой.

В этих условиях возможности для предъявления политическими партиями претензий на политическую власть оказываются ограниченными. Во-первых, политическое пространство региона монополизировано «Единой Россией», а остальные партийные организации привлекают меньше ресурсов, то есть, оказываются менее капитализированными. Во-вторых, анализ показывает действие дополнительных механизмов и институтов, блокирующих политическую конкуренцию в регионе, таких, как необходимость согласования кандидатов с представителями политико-административной элиты, разнообразные внутриорганизационные конфликты в периферийных партиях.

Анализ распределения различных видов капитала (административного, политического, символического, экономического, капитала «публичности») в динамике за 2005-2008 гг. подтверждает данные тезисы: безоговорочное доминирование «Единой России», полупериферийное положение лояльных «Справедливой России» и ЛДПР, маргинальное положение оппозиции («Яблока» и СПС, РКРП). КПРФ в регионе имеет достаточно сильные позиции, но капитализации партии явно не достаточно для того, чтобы оспаривать доминирование «Единой России». В целом же, основной объем взаимодействий по поводу политической власти происходит в рамках неформальных сетей доверия, которые слабо интегрированы в публичную политику, а публичное взаимодействие происходит на основе демонстрации силы (численности, превосходства в тех или иных областях), по модели игры с нулевой суммой, а не переговорного процесса. Габитус большинства политических агентов далек от демократических идеалов свободного, равноправного, защищенного, взаимобязывающего участия, от признания необходимости публичного соотнесения и координации позиций. Коалиционные действия редки и непродолжительны. Политическая конкуренция концентрируется в крупных городах области.

Особенности и тенденции развития политического пространства региона оставляют мало места для институционализации классического варианта публичной сферы в силу беспрецедентного доминирования одной партийной организации («Единая Россия»), маргинального положения оппозиции (РКРП, либерально-демократические партии), а также воздействия полупериферии (ЛДПР, «Справедливой России»), блокирующей развитие публичной сферы с помощью «поглощения» протестной политической активности. У единственной организации, способной производить альтернативные публичные позиции, - КПРФ - существует ряд проблем, не позволяющих ей реализовать этот потенциал.

Во втором параграфе «Институты и институциональные практики в публичной сфере региональной политики» исследуются особенности институционализации публичной сферы в описанных выше условиях.

В рамках неинституционального подхода обращается особое внимание на то, что облик института определяется не формально-юридическими нормами, а теми конкретными практиками, в которых проявляется готовность или неготовность людей следовать этим нормам. На основании экспертного опроса, применения Индекса оценки публичной политики, контент-анализа прессы, включенного наблюдения, анализа вторичных источников оценивается роль традиционных организаций публичной сферы (политических партий, общественных организаций, средств массовой информации) и дискуссионных (медиаторных) площадок в институционализации порядка публичной сферы.

Исследование показывает различные сочетания нормативных институциональных характеристик: для политических партий и их площадок свойственны полузакрытый характер, крайняя идеологизированность (склонность обсуждать лишь идеологические аспекты общественно-значимых проблем), в то же время - высокий уровень равенства и автономии. Для общественных организаций характерны высокий уровень рациональности, средний уровень открытости, низкий уровень автономии. СМИ отличаются высокой степенью открытости в сочетании с низким уровнем других показателей. В целом публичная сфера оценивается экспертами как существующая, но не демократичная. Доминирующим актором, определяющим «правила игры» в публичной сфере, являются органы государственной власти.

Институциональный анализ показывает институционализацию сочетания различных идеалтипических режимов в институциональном порядке публичной сферы региона: репрезентативный режим проявляется в том, что в фокусе внимания прессы, общественных организаций, партий находятся действия конкретных чиновников, а не анализ и критика политических курсов и действий. Кроме того, политическая повестка дня в основном состоит из событий и действий, связанных с федеральной властью или губернатором. Режим «официальной/ одобряющей» публичной сферы проявляется в наличии дискуссионных площадок, основная функция которых - подтверждать легитимность позиций политико-административной элиты и ее решений. Среди признаков «демократического» порядка наблюдаются: открытость и автономия большинства дискуссионных площадок, равенство участия в них.

В заключении представлены основные результаты исследования и сделаны выводы относительно перспективы демократизации политического пространства региона. Также намечены перспективы дальнейших исследований феномена публичной сферы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 10 публикациях, в том числе, одна опубликована в журнале, рецензируемом ВАК РФ:

1. Семенов А.В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса [Текст] / А.В. Семенов // Социум и власть. - 2009. - №4. - С. 9-13 (0,6 п.л.).
2. Семенов А.В. Институциональная теория публичной сферы и перспективы демократизации политического порядка в России / А.В. Семенов// Материалы докладов V Всероссийского Конгресса политологов «Изменения в политике и политика изменений: институты, стратегии, акторы» (Москва, 20-22 ноября 2009 г.). [Электронный ресурс]. ISBN 978-5-248-00344-0. - С. 2908-2923 (1 п.л.).
3. Semenov A. Institutionalization of the Public Sphere in Post-Soviet Regimes. Paper presented at the Changing Europe Summer School 2009 / A. Semenov. [Электрон-

ный ресюме]. URL: http://www.changing-europe.org/download/Summer_School_2009/Semenov.pdf (0,7 п.л.)

4. Семенов А.В. Роль институтов публичной сферы в реализации административной реформы [Текст] / А.В. Семенов // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Международная конференция. Екатеринбург. 26-27 ноября 2009 г. - Сб. Статей. Часть 1. / Сост. Е.Д. Тургель. - Екатеринбург: УраГС, 2009. - С. 184-187. (372 с.). (0,2 п.л.)
5. Семенов А.В. Институционализация гражданской активности молодежи в Тюменской области [Текст] / А.В. Семенов // Молодежь – будущее России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19-20 ноября 2009 года. Ч.1. / Под ред. Н.А. Ермаковой. – Тюмень: Тюменская областная Дума, Правительство Тюменской области, 2009. – С. 263-267. (0,3 п.л.)
6. Семенов А.В. Участие тюменский отделений политических партий в публичной политике региона [Текст] / А.В. Семенов // Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Тюменской области (Тюмень, 21-23 мая 2009 г.). - С. 160-164 (0,25 п.л.).
7. Семенов А.В. Институциональные трансформации. публичная сфера и политическая культура юга Тюменской области [Текст] / А.В. Семенов // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики. Доклады и сообщения Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования Сибирской Губернии (Тюмень, 20-21 ноября 2008 г.). - С. 288-292 (0,25 п.л.).
8. Семенов А.В. Институциональная теория публичной сферы: к постановке проблемы [Текст] / А.В. Семенов // Политические институты и политические процессы в современном мире: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов (Омск, 23 апреля 2009 г.). - С.12-14 (0,2 п.л.).
9. Семенов А.В. Публичная сфера региона: поиск эффективных институтов [Текст] / А.В. Семенов // Новый политический цикл: повестка дня для России. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 2-6 декабря 2008 г. - М.: Российская Ассоциация политической науки. - С. 241-243 (0,1 п.л.).
10. Семенов А.В. Перспективы институционализации публичной сферы в регионе [Текст] / А.В. Семенов // Сборник материалов по итогам II Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (27-28 апреля 2009 года, Пермь). - Березники: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2010. - С. 50-52. (0,1 п.л.).

Подписано в печать 12.05.2010. Тираж 100 экз.
Объем 1,0 уч.-изд. л. Формат 60х84/16. Заказ 312.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.
Тел./факс (3452) 45-56-60; 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru